

К.Ф. Завершинский

СТРУКТУРЫ «СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

K. Zavershinskiy

STRUCTURE OF THE 'SOCIAL EXPECTATIONS' AS A SUBJECT OF CIVILIZATION PROCESSES STUDY

В статье рассматриваются когнитивные возможности осмысления цивилизационного процесса посредством исследования структур социальной памяти. Автор утверждает, что «структуры ожиданий» социальной памяти выполняют функцию смыслового конструирования социальных коммуникаций для легитимации публичной власти в сложно-дифференцированном обществе. Исследователь обосновывает перспективность понимания «современной цивилизации» через артикуляцию темпоральных структур «культурной памяти». Анализ темпоральной структуры «социальных ожиданий» особенно значим для понимания процесса смыслового конструирования «Российской цивилизации» и методологических проблем культурных исследований в предметной области социологии и политологии.

The paper discusses a cognitive opportunities for conceptualization of civilizational process through correlation with structure of social memory. The author researcher argues that a structure of social expectations of social memory carries out function of semantic designing of social communication for the legitimating of public power in a complex society. The researcher emphasizes that a more perceptively understanding of the “Modern Civilization” through studies of a temporal structure of “Cultural Memory”. The analysis of temporal structure of social expectations is especially important for understanding designing of “Russian Civilization” and methodological problems of cultural researches in sociology and political science.

Ключевые слова: *цивилизационный анализ, цивилизация, легитимация социальной коммуникации, социальная память, структура социальных ожиданий, ожидания русской цивилизации.*

Keywords: *civilizational analysis, concept of civilization, legitimation of social communication, social memory, structure of social expectations, expectations of Russian Civilization.*

Теоретико-методологическая артикуляция предметной области исследований *современных цивилизационных процессов* обусловлена высокой вариативностью интерпретаций смысла и содержания концепта «цивилизация» в социальных науках, порождающей дихотомию универсального и партикулярного в дискурсивном пространстве цивилизационного анализа. Отсутствие теоретико-методологической рефлексии сложившегося категориального аппарата изучения *цивилизационных процессов*, восприятие его как некой теоретической очевидности делает предметную область подобных исследований все более размытой и препятствует оформлению новых междисциплинарных связей. Симптоматичны сомнения представителей социальных наук по поводу научного потенциала «цивилизационного подхода» в современной теоретической социологии. В частности, при растущей контекстности споров о критериях *цивилизационной зрелости* и основаниях культурно-исторической типологии цивилизаций прослеживается достаточно высокая синонимичность использования многими авторами понятий «цивилизация» («civilization») и «общество» («society»). При этом понятие «цивилизация» используется либо в очень широком значении, включающем все формы социальной эволюции, либо — радикально аксиологизируется, попадая в многообразные теоретические антиномии противостояния «цивилизации» и «культуры» или аксиоматики «конфликта цивилизаций». На этом когнитивном фоне весьма актуальной выглядит теоретическая посылка Норберта Элиаса о смысле и содержании понятия «цивилизация». Это понятие, как он замечает, «обозначает процесс или, по крайней мере, результат процесса», т. к. относится «к чему-то, находящемуся в постоянном движении, все время идущему “вперед”» (Элиас 2001: 61).

Достаточно очевидна и социально-политическая, практическая значимость когнитивных исследований семантических оснований современного цивилизационного процесса. Выбор политических стратегий социального конструирования, *модернизации* социальных институтов, в частности, цивилизационных практик современного российского общества, в существенной степени зависит от способов наблюдения и номинации подобных процессов. В свое время немецкий историк Рейнхарт Козеллек заметил, что все «-измы», используемые для описания современного социального устройства, образовались в результате напряжения «между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего)», поддерживая «альтернативные формы организации общества будущего» (Козеллек 2010: 26). Несмотря на то, что теоретические и эмпирические интерпретации феномена «русской цивилизации», его культурных и политических измерений достаточно широко представлены в лексике современной российской интеллектуальной элиты, понятия «цивилизация», «гражданское общество», «культура», «демократия» дискурсивно сопряжены весьма поверхностно. Нет свидетельств, что они являются смысловыми индикаторами грядущих социальных изменений и превратились из понятий в социально-значимые «проекты будущего». Так, потребность в комплексной модернизации российского общества декларируется, но она не оформляется как «событие» «современной русской цивилизации», смысловые горизонты которой размыты.

Потребность в рефлексии теоретико-методологических оснований «изучения цивилизационных процессов» предполагает смену приоритетов в исследовательских стратегиях: переход от поиска объективных субстанциональных оснований цивилизационного процесса или продуцирования очередной версии динамики ценностных оснований «цивилизационного процесса» к пониманию *коммуникативной природы* феноменов, номинируемых цивилизационными. В трактовке специфики методологии «коммуникативного подхода» к исследованию цивилизационных феноменов автор руководствуется интеллектуальными интенциями, представленными в концептуальных разработках Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё, при приоритете понятийного инструментария Н. Лумана (из отечественных авторов — А. Филиппова). «Коммуникация» рассматривается как взаимосвязь трех процессов («информации», «сообщения» и «понимания»). Этот процесс порождает «коммуникативные события» (смысловые комплексы) при локализации смысла в предметном, пространственном и временном измерении его наблюдателями и акторами. При этом исследование процесса «понимания» — как происходит структурирование смысловых (временных, предметных и социальных) «горизонтов смысла» — главное звено коммуникативного подхода, которое позволяет проследить оформление новых социальных идентичностей и наблюдать их институционализацию. Наблюдение социальных феноменов в таком методологическом фокусе позволяет интерпретировать эволюцию общества как процесс «конституирования смысла» (Н. Луман). Это, в свою очередь, позволяет прогнозировать коммуникативные перспективы «цивилизационной» эволюции того или иного социума.

В качестве рабочей гипотезы в представляемом тексте высказывается теоретическая посылка, что социальный процесс, номинируемый понятием «цивилизация» и смежными ему концептами, можно рассматривать как специфическое пространственное и темпоральное конструирование социальных проектов Модерна («индивидуализирующегося общества»). Подобное социальное конструирование происходит посредством оформления ожиданий («проектов будущего», в терминологии Р. Козеллека) на основе прошедших ожиданий, которые, удерживаясь в коллективном сознании, формируют ожидания будущих проектов, замещающихся в свою очередь ожиданиями в настоящем. Область сохранившихся структурированных горизонтов ожиданий (структур «социальной памяти») является источником трансформации ожиданий в события (неожиданное), т. е. стимулируют или блокируют неизбежность нового выбора в настоящем. Тем самым «цивилизационные исследования», даже если они нацелены на «постижение истории», всегда обусловлены рисками коммуникативной дифференциации современного, «индивидуализированного», общества в настоящем.

Обозначенная интенция на исследование «структур социального ожидания» «цивилизационного процесса» в методологическом плане связана с адаптацией понятийного инструментария феноменологии и социальной психологии к предметной области теоретической социологии и политической науки (см., напр., Rummel: 1975). Наиболее очевидна теоретическая связь социологического изучения «социальных ожиданий» с гусерлианской феноменологией

«сознания времени». В современной социологии она существенно переосмысливается и получает новый теоретический импульс в социологии Н. Лумана, культурной антропологии и новой социальной истории (см. Луман 2005а: 204—209; Ассман 2004: 94—95; Репина 2005: 122—132). В трактовке немецкого социолога, именно от специфики структурных образцов смыслового фокусирования зависят, в конечном счете, особенности социальных коммуникаций. Динамику таких структур можно рассматривать в качестве *мобильной социальной памяти* — соединения идентичностей прошлого с идентичностями настоящего для предвосхищения будущих коммуникаций. В интерпретации сторонников исследования социальной памяти и ее легитимации как операционального компонента коммуникаций именно семантические структуры «культурной» памяти («социальные ожидания из настоящего») представляют собой катализаторы коммуникативного процесса, стимулируют новые контексты и новое поведение.

Такого рода «структуры» необходимы для повторения коммуникаций, когда ситуация распознается как повторение другой ситуации, без чего невозможна пролонгация коммуникативного процесса. В свое время К. Маркс в «18 брюмера Луи Бонапарта» акцентировал внимание на роли процедур воскрешения «мертвых», «духов прошлого» и заимствования их «одежд», символов в «воображении» для решения практических задач настоящего, преодоления неопределенности и создания «поэзии» будущего, ее нового языка. Социальная память в современной социологической интерпретации проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» (см. Луман 2005б: 104). Эти «предположения» вынуждают к обобщениям при мотивации поведения. Вместе с тем механизм социальной памяти в этом случае проявляется не столько в сохранении прошлых идентичностей, а предстает преимущественно как процесс накопления знаний из прошлого для их использования в последующем. Постигание нового идет через реактуализацию прошлого и возможного будущего, что, в свою очередь, структурирует ожидания в предметном и социальном горизонте. Соответственно, и «структуры ожидания» перестают быть «фактором» устойчивости коммуникативной системы, а выступают фактором ее самовоспроизводства и обновления, *задавая систему координат восприятия окружающего мира*. Функционирование семантических структур ожидания можно представить посредством описания символических объектов социальных идентификаций, в которых презентуются «предположения», «смысловые комплексы» социальной памяти, и выявления их символических схем и кодов. Дополняет подобную исследовательскую стратегию описание способов соотнесения семантического содержания «ожиданий» с институциональными нормами ограничения в использовании ресурсов насилия и принуждения (процесс легитимации). Завершающая фаза — исследование соотнесенности структур ожидания и символического, темпорального маркирования базовых социальных событий, позволяющее прогнозировать цивилизационную эволюцию обществ.

Подобные познавательные задачи, вытекающие из коммуникативной исследовательской стратегии, комплементарны задачам концепт-анализа, кото-

рый можно рассматривать как одну из перспективных методологий в изучении «смысловых комплексов» социальных ожиданий.

В социологических исследованиях концепт-анализ сложился в русле методологии *дискурсного* анализа, где коммуникативную практику можно представить как дискурс-процесс. Автор исследования в дальнейшем разделяет понимание дискурса как логической последовательности осмысленной деятельности, проявляющейся в развертывании смыслов, выраженных словами, знаками и значащими действиями. Социальный дискурс, тем самым, можно сущностно уподобить «речи», а социальную систему в ее знаковом выражении — «языку» (см. Ильин 2002). Дискурсивность означает включенность социальной практики в общий смысловой контекст, что позволяет обеспечить последовательное сочленение единичных смысловых элементов и придать им смысловую целостность вне зависимости от естественной вариативности поведения отдельных акторов. Дискурс тем самым является средством упорядочения политической реальности, превращая социальную действительность в общение, коммуникацию, а «дискурс-процесс» представлен *концептуарием*, своего рода «словарем» (набором смыслов и символов), способами соединения понятий и символов (*кодом*), системной логикой коммуникативного взаимодействия акторов. «Действительность» социальных концептов — знаково-оформленные понятия, которые находят выражение в словах, поэтому изучение концептов — это, прежде всего, анализ смысла слов («словопонятий», «лексиконцептов»).

Несмотря на вариативность концепт-анализа, разработанного в рамках европейской и американской школы исследований, в предметной области научной истории социально-политических концептов (см., например, Бенвенист 1995; Skinner 1979; 2002: 175–186; Koselleck 1985; Росоцк 1980: 138–158) присутствует некая общая интенция на понимание социальных концептов как своего рода «объединяющей территории», способа «развертывания и уничтожения интенсивности смысла», неопределяемого через референцию к вещам или отдельным своим составляющим (см., например, Делез, Гваттари 1998: 26–35, 109, 120, 131). Немецкий историк Райнхарт Козеллек в связи с методологическими возможностями реализации исследовательского проекта «истории понятий» отмечал, что «ключевые слова» политического или социального языка имеют многослойную темпоральную структуру и представляют собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего. Поэтому весьма перспективно «написать историю понятий» для того, чтобы открыть «все содержащиеся в них элементы — и прошлое, и настоящее, и будущее» (Козеллек 2010: 27). На основе подобных методологических установок можно получить некоторые теоретические следствия, значимые для заполнения эпистемологической лакуны в исследованиях, номинируемых цивилизационными, и осуществить рационализацию более традиционных способов описания цивилизационного процесса.

В рамках заявленного ранее коммуникативного подхода важным звеном в изучении перспектив эволюции современного общества, в частности российского, является выявление и изучение смыслового комплекса, связанного с концептом «цивилизация» как своего рода «известных предположений о ре-

альности» (Н. Луман), семантического «маркера» смысловых границ коммуникативных изменений «модернизирующихся общностей». Концепт «цивилизация», как полагает автор, своего рода семантический предшественник, «ключевое понятие» в «самоописании» европейского общества как «современного», «модернового». Подобное «самоописание» исторически сопровождалось коммуникативными актами устранения из коллективного сознания «обветшавшего» семантического материала о предметных, социальных и временных горизонтах кризисного социума. В частности, посредством конструирования таких концептов, как «культура», «гражданское общество», «история», «нация», «прогресс». Основанием для подобного вывода, в частности, могут служить работы Э. Бенвениста, Н. Элиаса, Л. Февра (см., например, Февр1991; Элиас 2001: 59–108). Из отечественных работ, разрабатывающих проблематику семантической динамики концепта «культура» и «цивилизация» в отмеченном ракурсе, следует отметить работы Ю.С. Степанова и М.В. Ильина (Степанов 2001: 621–650; Ильин 1997: 160–170). Описать «цивилизационный процесс» — значит выявить символические схемы («скрытые образцы») структурирования предметных, социальных и временных границ грядущего «модерна». *Возникновение подобных концептов — индикатор оформления ожидания внутренних и внешних критериев гражданской самоидентификации конфликтных общностей; ожидание стратификации на основе концепта «прав гражданина» как новых проектов включения индивида в общество; ожидание предсказуемости истории — появление символических схем маркирования направленности социального времени из «цивилизующегося» настоящего в «прогрессивное будущее».* В связи с этим смысловое пространство концепта «цивилизация» можно рассматривать как «семантический контейнер» гражданской идентификации и как специфическую социальную память «культивирования индивидуальности» («культуру»), обеспечивающую структурирование динамичной консолидации общества в условиях роста социальной значимости мотивации «права индивидов на самореализацию и социальные инновации» (Н. Луман). Подобная теоретическая посылка позволяет согласиться с мнением немецкого социолога, что *цивилизация и культура* — исторические понятия и были введены для того, чтобы «приспособить» социальную память (когнитивный инструмент смыслового структурирования общественного сознания — «структурирующей структуры») под требования современного сложного общества.

Можно высказать предположение, что именно специфика подобного пространственного и временного измерения перспектив социальной эволюции общества стала определяющим фактором успешности его модернизации, усложнения и дифференциации. «Ожидание цивилизованности», обуздания стихии насилия «индивидуализирующегося общества» одновременно предопределило и «культурную самобытность» темпорального структурирования европейского социального пространства. Неочевидная, при первом приближении, смысловая связь эволюции смылосодержания концепта культуры и цивилизации становится более отчетливой в контексте динамики смыслового взаимодействия понятий «культура» и «цивилизация» с концептом «гражданское общество». Исследования Л. Февра и Н. Элиаса отчетливо прослеживают,

как развитие представлений о гражданском состоянии и гражданине (*polites, civis*) в процессе сложной и содержательной концептуализации привело к оформлению современного содержания понятий *цивилизация* и *культура*. Как представляется, поиск «культурного измерения» цивилизационного процесса так или иначе связан с маркированием исторических событий и спецификой смысловых акцентов при конструировании горизонтов «модерна». Как следствие — потенциальная «множественность» проектов синхронизации во времени и риски «утопических» или «романтических» проектов модерна, в частности «немецкого» или «советского». Таким образом, теоретическую интерпретацию динамики семантических структур концепта «цивилизация» предпочтительней осуществлять в связи с эволюцией проекта социального пространства и «времени» «гражданского общества» («замирения» и «темпорализации», «историзации» «индивидуализированного состояния»), а не в контексте констатации неких универсальных «ценностных», субстанциональных оснований «цивилизационного процесса» или ценностной «партикулярности» «цивилизаций».

Коммуникативный подход в исследовании базовой семантики концепта «цивилизация» позволяет также более отчетливо обозначить общность, взаимодополнительность аксиоматики смысла таких концептов, как «цивилизационный процесс», «политический суверенитет», «нация», «гражданская культура» и «легитимность политического порядка». Очевидно, что у социального процесса, который в публичном дискурсе принято номинировать «цивилизационным», наряду с «ценностным», «культурным» измерением всегда присутствует и политическое. Семантика «цивилизованности» предопределила появление новых политических институтов посредством возникновения новых политических общностей («национальных») и практик легитимации публичной власти. Так, Н. Элиас отмечает, что специфика концептуализации этих понятий является следствием стремления различных социальных слоев к легитимации национального политического порядка и политической самолегитимации, проявившейся во всех поведенческих формах. Смысловое своеобразие использования этих понятий и, соответственно, особенности их концептуализации в различных европейских странах он увязывает с ростом новых различий в политических позициях тех или иных социальных групп.

Легитимация порядка публичной власти посредством специфических пространственных и темпоральных структур «политической», «гражданской культуры» обеспечивает взаимосвязь базовых сегментов, коммуникативных сфер жизнедеятельности в сложно-дифференцированном, «цивилизованном» обществе. В своей теоретической посылке автор отталкивается от социологической интенции, научно артикулированной в свое время Т. Парсонсом, который заметил, что в эволюции общества решающую роль играет культурная система, соотношенность с которой придает значимость институциональному порядку общества. При этом «системы легитимации определяют основания для разрешений и запретов» в институциональном порядке общества, обеспечивают соотношенность («непосредственную связь») социальной и культурных систем. В процессе легитимации культурные образцы посредством наличия специальной системы символов позволяют обосновать идентичность. Политическая же легити-

мация, как «авторитетная интерпретация» нормативных предписаний, играет особую роль в системе легитимации всего общества (см. Парсонс 1993: 94–122).

Из этой теоретической установки вытекает возможность обоснования посылки о концепте «легитимность власти» как необходимом семантическом ресурсе процесса цивилизации и его тесной семантической связи с концептом «гражданская культура», «политический суверенитет», «гражданское общество». Не подвергая сомнению возможность и необходимость нормативных или дескриптивных стратегий исследования легитимизирующей роли «социальных описаний» и механизмов их воздействия на цивилизационные процесс, следует все же признать наиболее перспективной эпистемологию коммуникативного подхода, в рамках которого легитимацию цивилизационного процесса можно представить как компонент специфического способа символического кодирования социального принуждения в индивидуализирующемся обществе. В контексте подобных методологических установок успех социального конструирования новых «цивилизационных» образцов идентификации и более сложных общественных институтов в значительной степени предопределяется символическим дизайном пространственно-временного континуума процедур легитимации политического господства. Легитимация политического господства как мотивация («оправдание», «обоснование») принимаемых «общеобязывающих» политических решений — неотъемлемый компонент коммуникативного процесса кодификации политической властью растущего многообразия форм политической активности.

Принципиально значимо при этом, что говорить о «цивилизованном» и «культурном» характере «легитимности власти» можно только применительно к «гражданскому», «индивидуализированному», «неуживчивому сообществу» (И. Кант), где начинают оформляться специфические социальные институты и сложные политические коммуникации. Способ концептуализации (символический код) обоснования публичной власти, характерный для ранних «цивилизаций», принципиально иной. Преобразование этих обществ не ведет к становлению новых структурных принципов легитимации, которые бы были способны стимулировать индивидуальную активность при сохранении устойчивого социального порядка. Центры этих обществ часто меняли конкретное содержание символов своей легитимности, но, по сути, новые режимы либо приспособливали к себе эти символы, либо усваивали их, не меняя принципиально характера деспотической или имперской легитимации (Эйзенштадт 1999: 101–104, 118–126).

Смысловые структуры политических коммуникаций в «цивилизующемся» обществе начинают тяготеть к аксиоматике социальной контрактности, что указывает на становление специфического кода политической власти — «оппортунистического» в терминологии Н. Лумана, «бинарного» или с «ненулевой суммой», в интерпретации Дж. Александера и Ш. Эйзенштадта (см. Луман 2001; Alexander 2003; Eisenstadt 1999). Символические коды гражданского, «цивилизованного» дискурса побуждают современные общества «к неустанному совершенствованию умения жить в условиях одновременно закрытых и открытых общностей, искать способы обращения конфликтов во благо». Это породило перманентную динамику дискурса «взаимооправдания» (легитимации) институ-

тов государства и гражданского общества (см. Ильин 1997: 167–169, 331–332). В сфере коммуникативных практик гражданского общества происходит закрепление цивилизационных инноваций посредством обобщения многообразных импульсов признания или непризнания властвующего режима, «путем предзаданного “раскачивания” между делегитимацией и легитимацией режима, которое не угрожает конституции и системе представительного правления. Легитимация публичной власти стала доминирующим *операциональным компонентом социальной памяти общества, номинируемой «гражданской культурой»*. При этом мотивация политических предпочтений происходит не благодаря некому «согласию», искореняющему хаос произвола, а процедуре «включения-исключения» принуждения, которое номинируется легитимным или нелегитимным (Луман 2005а: 23). С этих позиций *легитимность власти*, как и *цивилизация*, *культура* не является понятием с «известными значениями», а служит искоренению насилия и «нелегитимного» принуждения, государственного в частности, заменяя его обоснованием более «предпочтительного», приемлемого в конкретной ситуации — «легитимным», «цивилизованным». Политическая легитимация стимулирует оформление новой политической памяти («культуры») гражданского общества, стимулирует мотивационные схемы ограничения социальных конфликтов и насильственных действий, характерных для деспотий и империй, посредством конструирования, расширения паттернов переговорных практик и апелляции к «неотъемлемым правам индивида».

Таким образом, потребность современной социологии в семантике концепта «цивилизация» при наблюдении и описании социальных процессов обусловлена проблемами поиска динамичных критериев «принуждения к согласию» в условиях перманентной дифференциации и автономизации сфер социальной жизнедеятельности «модернового», «индивидуализирующегося» общества. Исследование «структур социальных ожиданий», описываемых как символическое конструирование «цивилизационных рамок» социальной («культурной») памяти современного общества, по-новому артикулирует проблему описания «универсального» и «партикулярного» в цивилизационном процессе. Универсализация, легитимация растущего многообразия политических ожиданий социальных акторов посредством поиска «цивилизованных», «гражданских» способов «принуждения к согласию» неизбежно сопровождается «партикуляризацией», «множественностью модернов», обусловленной качественными различиями в структурировании темпоральных схем социальных ожиданий «будущего». Из этого следует, что в российском обществе «цивилизация», «культура», «легитимность» как социально-значимые концепты, способы самоописания, не являются смысловыми источниками социальных событий. Стремление «обнаружить» новое качество цивилизационного процесса есть, что выражается в риторике политических лидеров государства и представителей социальных наук, но политическая бюрократия, как ведущий социальный актор, не «опознает» гражданскую культуру» в качестве коммуникативного события. Продолжается процесс, пусть и несколько замедлившийся, распада несколько переформатированных имперско-бюрократических коммуникаций («социальной памяти», «структур политических ожиданий»), сложившихся еще

в советскую фазу социальной эволюции российского общества, что потенциально порождает все новые и новые риски коммуникативного хаоса.

Литература

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995.

Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998.

Ильин М.В. Слова и смыслы. М.: РОССПЭН, 1997.

Ильин М.В. Между вещами и смыслами: Основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002. С. 161–183.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сб. статей под ред. Х.Э. Бедекера. Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.

Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.

Луман Н. Эволюция. М.: Издательство «Логос», 2005а.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005б.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Весна. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122.

Репина Л.П. Концепции социальной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–132.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

Февр Л. Цивилизация: эволюция слов и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 239–281.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психологические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Alexander J.C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

Eisenstadt S.N. Paradoxes of Democracy. Washington: Johns Hopkins University Press, 1999.

Koselleck R. Futures Past: on the Semantic of Historical Time. Massachusetts, and London, England: The MIT Press Cambridge, 1985.

Pocock J.G.A. Political ideas as historical events: political philosophers as historical actors // Political theory and political education. Princeton, NJ: Princeton Un. Press, 1980. Pp. 138–158.

Rummel R.J. Understanding Conflict and War. Vol. 1. The Dynamic Psychological Field. Beverly Hills, California: Sage Publications, 1975. [<http://www.hawaii.edu/powerkills/NOTE10.HTM>].

Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1: The Renaissance. Binghamton, N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1979. Pp. X–XV.

Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.